

4. Савчин М. В. Психологія відповідальної поведінки / М.В. Савчин. – К.: Україна-Віта, 1996. – 130с.

5. Семиченко В. А. Рефлексійний підхід в теорії практики вищої школи / В. А. Семиченко // Післядипломна освіта в Україні. – 2009. – №1-2. – С. 44-62.

УДК 159.923.2

ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ ВАЛИДНОСТИ СВЯЗИ ЧЕТЫРЕХ СТОРОН ИДЕНТИЧНОСТИ ЛИЧНОСТИ

Барашева Д.Е.

В статье приводится теоретическое обобщение результатов предыдущих теоретико-эмпирических разработок проблемы идентичности личности; выявляются специфические психологические трудности функционирования и развития личности, связанные с невалидностью связей с какой-либо из четырех выделенных сторон идентичности; аргументируется значимость валидности всех четырех сторон.

Ключевые слова: личность, идентичность, стороны идентичности, валидность (невалидность) связи сторон идентичности.

У статті наведено теоретичне узагальнення результатів попередніх теоретико-емпіричних розробок проблеми ідентичності особистості; виявлено специфічні психологічні труднощі функціонування і розвитку особистості, пов'язані з невалідністю зв'язку будь-якої з чотирьох виділених сторін ідентичності; аргументовано значущість валидності всіх чотирьох сторін.

Ключові слова: особистість, ідентичність, сторони ідентичності, валидність (невалідність) зв'язку сторін ідентичності

There is generalization of the preceding theoretical-empirical studying the problem of personal identity presented in the article; specific psychological difficulties of personality's function and development related to an invalidity of a side's connections are distinguished; significance of all four sides' validity is argued.

Key words: personality, identity, sides of identity, validity (invalidity) of the four sides' connection

Постановка проблеми. Несмотря на достаточно долгий период разработки, проблема идентичности личности не утрачивает своей актуальности, но приобретает особый статус в современной психологии личности. Поскольку личность, безусловно, выявляется в связи отношений психической (особой связи нейрофизиологической, психофизиологической и когнитивной, точнее когнитивно-эмоциональной) и

социально-психологической (особой связи индивидуумов в интерактивности – их совместной деятельности и общении) детерминант, постольку структура и механизмы идентичности определяются особенностями данной связи. Соответственно, в научных попытках дать эксплицитное систематизированное обоснование феномену личности, закономерностям его формирования, становления, функционирования, развития невозможно обойти вопрос идентичности – феномена, определяющего концептуализацию и структурирование когнитивной карты индивидуальной картины мира и выражение, поведение личности.

Весомый вклад в разработку проблемы идентичности внесли еще в начале становления психологии личности такие зарубежные ученые, как У. Джемс/Джеймс (связь познающего Эго и его познаваемого выражения в социуме), З. Фрейд (определение идентификации как особого механизма оформления личности), М. Хайдеггер (со-бытие с другим, образ которого включается в идентичность, как неперемное условие индивидуальной идентификации), Л. Бисвангер (значимость взаимосвязи "я" и мира в самоопределении и функционировании личности: нарушение данной взаимосвязи ведет к ощущению "бессодержательности" существования), Э. Эриксон (основа идентичности – тождество себе, непрерывность существования во времени и пространстве, признание данного тождества и непрерывности другими) и др.

Важным вкладом в становление психологии личности и, в частности, в разработку проблемы идентичности стали положения отечественных психологов М.М. Бахтина (возможность несовпадения с собой в поступке диалогического со-бытия как особенность самопознания), В.А. Ядова (идентификация как активизация диспозиций через переживание и осмысление опыта социального взаимодействия), В.С. Мерлина (влияние третьего объекта на самоотношение и на отношение к другому как дополнительное новое условие развития личности), А.Ф. Лазурского (отношение связи эндopsихического и экзopsихического в условиях окружающей действительности как детерминанта определения и самоопределения личности), А.Н. Бердяева (внутренняя причинность как мотив самопознания и самодетерминации), А.Н. Леонтьева (становление личностных смыслов, происходящее в общественных отношениях в осуществляемой деятельности как детерминанта развития), С.Л. Рубинштейна (поэтапное подсознательное стремление к самораскрытию и самосознанию в условиях общественных отношений и деятельности как движущая сила личности) и др.

Современная разработка проблемы идентичности и идентификации отличается обращением к различного рода факторам идентификации личности и значении конкретного типа идентичности в формиро-

вании и функционировании целостной системы личности. Так, например, украинский исследователь В. Злишков акцентирует вопрос самоидентификации личности в условиях педагогической коммуникации. О. Винославская подчеркивает роль самоидентификации в структуре идентичности педагога. Особенности формирования гендерной идентичности в подростковом возрасте изучают, например, М. Савина и Н. Буркало, в условиях самоидентификации во взрослой профессиональной деятельности, например, Е. Мартыненко. Необходимость формирования особых базово-потребных видов идентичности подчеркивают А. Налчаджян (сублимация в этносе и культуре), Т. Стефаненко (угроза деформаций в случае вытеснения из структуры социальной идентичности компонента этнической идентичности). Современные условия поликультуры как специфические в формировании идентичности личности выделяют украинские ученые А.В. Бычко и К.Ю. Шестакова, российская исследовательница О.В. Солопова, белорусский исследователь А.Л. Ластовский (каждый из ученых приходит к выводу о том, что условия поликультуры, с одной стороны, способствуют различению собственной этнокультурной идентичности, с другой, обостряют внутреннюю конфликтность личности).

Так или иначе, в исследовании идентичности личности, в частности ее организации и функционировании ее структуры происходит апелляция к двум основным концептам – "я" и "другой" или его множественной формы "другие". В различных концепциях выделяются различные варианты связи "я" и "другого", "я" и "не-я", "я" и "других", "своих" и "чужих" и т.д. Между тем, на наш взгляд, необходима систематизация и упорядочение собранных научных данных в этой области – выделение конкретных составляющих структуры идентичности личности и определение особенностей их взаимодействия, а также его нарушения.

Цель: на основе обобщения результатов предыдущих теоретических и эмпирических разработок проблемы идентичности личности изучить психологическое значение валидности связи сторон идентичности личности и определить особенности ее вероятных нарушений.

Изложение основных результатов исследования. Результаты предыдущей разработки проблемы формирования (концептуализации и структурирования) идентичности личности – выделения четырех сторон в идентичности личности ("я", "не-я", "мы", "они") и определения специфики их связи привели к моделированию структуры отношений сторон идентичности (рис. 1, по [6]).

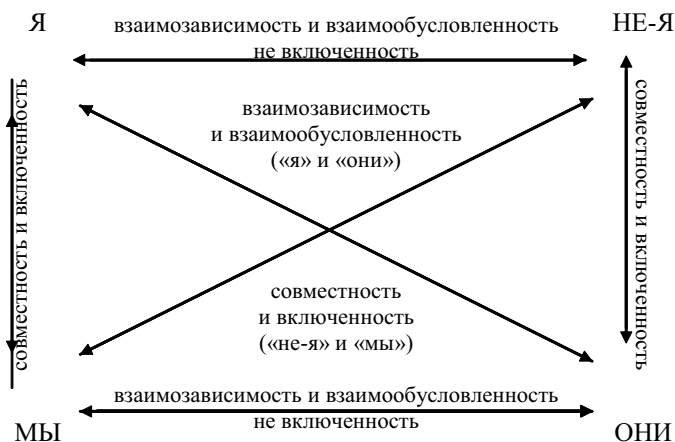

Рис. 1. Связь четырех сторон идентичности личности

Связь отношений "я" и "они" характеризуется не включенностью (поскольку "они" иные, отделяются), но взаимозависимостью и взаимообусловленностью (поскольку "они", обобщенно – это, все равно, множество "не-я", включенных в дифференцируемый образ "они", – необходимое условие распознавания "я"). Связь отношений "не-я" и "они", соответственно и аналогично связи отношений "я" и "мы", характеризуется взаимной включенностью и соответствием. Отношения же "мы" и "они" – вариант множества, по аналогии с отношениями "я" и "не-я" – единичная представленность, взаимообусловлены и взаимозависимы при не включенности друг в друга (рис. 1) [6].

"Я" различается только при условии различения "не-я" – минимальной дискретной единицы социальных условий. Связь "я" и "не-я" осуществляется в процессе действия функции личности как психосоциальной функции аргумента "я" [3]. Вариант множественной формы "не-я" – другие, обуславливает дифференциацию ее на дискретность форм "мы" и "они". Посредством дифференциации образа других на "мы" и "они" и различения всех четырех сторон ("я", "не-я", "мы", "они") гипотетический образ "я" трансформируется в понятие о своей собственной дискретности на социальном фоне (выделение себя из массы или группы себе подобных других) и своей собственной тождественности во времени и пространстве (психофизиологическом и психосоциальном соответствии ощущений и представлений человека о себе в процессе опыта познания и деятельности). В процессе идентификации выражений своего "я" в социальных отношениях, рефлексии над результатами опыта, самооценивания собственных дисплеев ("лиц" вы-

ражения собственного "я") и сопоставления с проявлениями других (схожими и различными) понятие "я" концептуализируется в сложное новообразование сознания "я-идентичность", представляющее собой связь четырех базовых концептуальных сторон личности – "я", "не-я", "мы", "они". Идентичность личности, следовательно, проходит становление в процессе концептуализации различаемой связи понятий "я" (ощущаемое и сознаваемое в различии своей тождественности и дискретности), "не-я" (имеющее сходства и отличия от "я"), "мы" (сходные со мной) и "они" (отличные от нас) [6].

Анализ и обобщение результатов проведенных ранее эмпирических исследований психологических особенностей идентификации личности привел к наблюдению некоторых проблем личностной идентичности, связанных с вопросом определения принадлежности к группе и самоопределения – в сфере гендера, этнокультуры, лингвокультуры, профессии.

Так, к особенностям гендерной идентификации были отнесены специфические сложности, противоречия в детерминации своей референтной группы. Во-первых, респонденты и мужского, и женского полов приписывали себе и маскулинные, и фемининные характеристики (самодетерминация) [4], [5] и демонстрировали значимое преобладание гендерной идентичности андрогинного типа (по методике С. Бем) [8], [9]. Во-вторых, респонденты – представители обоих полов в большей степени негативно идентифицировали образ реального современного представителя как референтной, так и смежной по критерию полового диморфизма группы (обобщенно – мужеподобная женщина и женоподобный мужчина); при этом и те, и другие испытуемые идеальные образы мужчины и женщины представляли традиционно непротиворечиво (обобщенно – женственная женщина и мужественный мужчина); в итоге респонденты обеих групп преимущественно выражали дискомфорт и неудовлетворенность настоящим психологическим состоянием их личностей [4], [5].

В отношении эмпирического изучения специфики этнокультурной идентичности личности в современных условиях поликультурного пространства (на примере севастопольского региона [7], [5]) также наблюдались трудности в отношении определения референтной группы, а именно – в определении критерия референтности. Респонденты – представители вновь интегрируемой в социум ("севастопольский") этнокультуры (татарской) демонстрировали четкую выраженную идентичность по критерию этнокультурной принадлежности – татарин или крымский татарин. Респонденты же "славянской группы" (украинцы, русские), в сознании которых наличествует в той или иной степени концепт "интегративного" советского человека (идентичность по гражданственности), в значимой

преимущественности выявили специфическую стратегию. Стратегию подмены критерия этнокультурной принадлежности критерием "хронотопа" (термин М.М. Бахтина), локальности во времени, или "малой родины" – севастополец, а также спутанность критериев – одновременно и севастополец, и украинец-русский (или севастополец русский, севастополец украинец). При этом респонденты "славянской" группы испытывали дискомфорт от условия необходимости осознать и определить свою этнокультурную принадлежность [7], [5].

Эмпирическое исследование лингвокультурной идентичности личности проводилось лимитировано контекстом профессии, а именно изучалось влияние фактора изучения иностранного языка на становление идентичности личности [1]. Осознанно или неосознанно респонденты – студенты, профессионально изучающие иностранный язык, в процессе овладения им интегрируют в личностную идентичность образ культуры данного языка либо как свой, как образ референтной группы, либо как одновременно и "свой" и "чужой", что в обоих случаях, с одной стороны, актуализирует идентификацию по критерию лингвокультуры (родной – "я", "мы" и иностранной – "не-я", "они"), а, с другой, может причинять диффузию лингвокультурной идентичности. Специфическое противоречие – одновременное стремление к частичному присвоению и частичному отчуждению обоих образов [1].

Эмпирическое изучение особенностей идентичности личности по критерию профессии (педагога, филолога, психолога) также привело к выявлению некоторых трудностей, противоречий – в большей части случаев позиционирование нежелания работать по направлению получаемой профессии из-за неудовлетворенности материальной компенсацией личностных затрат и определенная заинтересованность, вовлеченность в некоторые ее аспекты [2]. Примечательно, что, как правило, декларирующие нежелание в результате идут работать именно по профессии, и многие адаптируются к ней успешно (из личных бесед и наблюдений; требуется дальнейшее исследование).

Анализ и обобщение ряда предыдущих теоретических и эмпирических разработок привели не только к моделированию структуры идентичности личности по критерию общей связи "я"- "не-я", но также к гипотазированию значимости взаимной связи всех четырех выделяемых сторон идентичности личности и значения нарушений данных связей в становлении, функционировании и развитии личности.

Если одна из общих сторон идентичности личности становится не валидной, вытесняется по каким-либо причинам, то нарушается баланс всей системы личностной идентичности (рис. 2), личность развивается искаженно.

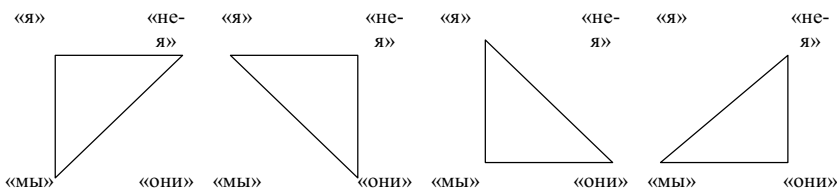

Рис. 2. Варианты дисбаланса личностной идентичности

Психологическое значение необходимости наличия связи всех обозначенных общих сторон в структурировании идентичности личности (рис. 1, рис. 2) можно логически обосновать следующим образом.

Вариант не валидной стороны "они" может показаться вполне комфортным, на первый взгляд, однако лонгитудно он становится вредоносным для личностного развития, поскольку создает неоднозначную и двусмысленную ситуацию. С одной стороны, она обеспечивает индивидуума чувством комфорта, поскольку создает ощущение отсутствия чужих и, соответственно, отсутствия необходимости ожидания угрозы. С другой стороны, она ослабляет чувство индивидуально-личностной ответственности индивидуума (это не я, кто решил и/или сделал что-то; мы все это сделали; я не ответственен за результат, мы ответственны, т.е. не я конкретно или не вполне я, не только я). Подобная ситуация может привести к усилению и поведенческому закреплению рационализации (оправдание неприемлемых, но реально действующих желаний, чувств, мотивов, поступков за счет социального одобрения; непризнание действительных движущих сил собственных поступков) как эндоцентрического механизма психологической защиты (внутрипсихического) и/или проекции (приписывание собственных недостатков – социально не приветствуемых качеств и поступков другим) как экзоцентрического психологического защитного механизма (направленного вовне – на межличностные интеракции). В результате различается угроза психической дефляции (термин К. Юнга) – происходит атрофия развития индивидуальности; личность компенсирует или оправдывает свое поведение за счет комфортного и удобного убежища – включения, вхождения в гомогамность "мы".

Версия невалидной стороны "мы" определяет оппозицию "я" и "другого" (в обоих вариантах – единственного числа "не-я" и множественного – "они"). Индивидуум отчужден, отстранен от других; он один, все остальные по другую сторону. Таким образом, не существует или есть, но в непропорционально малой степени (зависит от конкретного контекста конкретной ситуации), почва для ощущения

психологической поддержки, личностного принятия, включенности в общность и эмоционального приятия другим/другими. Подобное ведет к уменьшению и снижению социальных контактов, к чувству изолированности и одиночества и, как следствие, к формированию определенного чувства (в краткосрочном варианте) или статуса (в лонгитюдном варианте) маргинала, отщепенца, аутсайдера. В некоторой степени "облегченная", и вполне натуральная психологически, версия различается в отношениях с незнакомыми прежде людьми. Например, когда человек обнаруживает себя чужаком в ситуации краткосрочного и долгосрочного пребывания за границей без общих или специальных знаний культуры и языка страны пребывания. Или, например, ощущение себя чужаком в какой-то новой группе – другой семьи, профессии, возраста и т.д. – с ее специфическими привычками, стереотипами и традициями. Усложненная, "утяжеленная" версия проявляется в отношениях с близкими людьми или с теми, кто подразумевается как близкий, схожий. Например, ощущение отчужденности в группе собственной семьи, профессиональной, культурной, национальной, этнической группах, религиозной конфессии или любой другой социальной группе, от которой ожидается близость, приятие и поддержка. Такая ситуация ведет к интенсификации изоляции (удаление инстинктивных импульсов из сознания при сохранении в сознании объекта удовлетворения потребности и довольствовании воображаемым удовлетворением, мыслями об объекте, который при этом воспринимается как чуждый) и/или интроекции (интериоризация личности во внутренний виртуальный план) как эндоцентрических механизмов психологической защиты. В следствие, выявляется феномен социально-психологического дефицита, социально-психологической недостаточности. Индивидуум лишен (или испытывает в недостаточной степени) социальных отношений близости, необходимых для ощущения включенности – базово потребного, социально-психологической природой определенно-го, снижающего страх, дающего поддержку и создающего в определенной степени психологический комфорт.

Вариант не валидной стороны "не-я" причиняет образование оппозиции "Я – масса". Специфика ситуационного контекста и актуальной потребности индивидуума определяет особенности восприятия им массы в качестве либо "мы", либо "они"; индивидуум реально не заинтересован в личности и индивидуальности других. Данное обстоятельство ведет к интенсификации эго-центризма и создает благоприятную почву для формирования личности эгоиста, манипулятора, макевиалиста. Соответственно, актуализируются и закрепляются такие эндоцентрические механизмы психологической защиты, как рационализа-

ция и отрицание (отказ понимать реальную причину своих действий и поведения), экзоцентрические – проекция и реакция (эмоционально насыщенное и ригидное поведение "вопреки"). Как следствие выявляется феномен психической инфляции (термин К.Юнга). У индивидуума формируется психологическое состояние неоправданного и неподкрепленного превосходства; он расширяет собственную личность за счет экспроприации потребных качеств, свойств, характеристик, действий у группы или же "списывает" собственные неудачи на группу.

Вариант не валидной стороны "я" определяет угрозу потери индивидуальности или растворения собственной личности в другом/других. Собственное "я" существует гипотетически, индивидуум приносит его в жертву другому или другим. Подобная ситуация возможна, например, в условиях гипер-коллективизма, когда индивидуальность растворяется в группе (значимость группы доминирует в сравнении со значимостью индивидуальной личности). Или, например, в условиях стрессовых драматических событий, таких как война (например, во Вторую мировую люди были объединены в "мы" по морально-идеологическому критерию "против фашизма" ("они") с целью выживания как группы), когда собственная индивидуальность сознательно по собственной воле или эмоционально спонтанно в ощущении единства "мы" пренебрегается в пользу спасения других (реальных и даже гипотетических, еще не существующих – последующие поколения – других). Или в частных ситуациях, когда, к примеру, индивидуум не удовлетворен своей собственной личностью, своим "я", считает себя не состоявшимся, и переносит свои надежды, ожидания и заботы на личность другого (например, мама, несостоявшаяся балерина прилагает все усилия, чтобы сделать звезду балета, прима-балерину из своей дочери, вне зависимости от желаний и стремлений последней). Или когда человек любит и сопереживает другому в такой степени, что подобная экста-эмпатия приводит к тому, что он готов отречься от себя, забыть или игнорировать собственное "я", растворить его в любимом другом. В такой ситуации идентификация становится не психологическим механизмом становления личности, самопознания и познания себя в отношениях с миром других, а экзоцентрическим механизмом психологической защиты (бессознательное уподобление объекту, обычно который сам или отношения с которым вызывают страх или тревогу). Взаимосвязано, возможна дополнительная актуализация таких эндоцентрических механизмов психологической защиты, как рационализация, вытеснение (удаление из сознания неприемлемого содержания), отрицание. Как следствие определяется феномен психологической солубилизации (растворение (от позднелатинского *solubilis*

растворимый); самопроизвольное проникновение одного "вещества" в другое, более активное). Индивидуум самопроизвольно "растворяет" свое "я" в личности другого человека; соответственно, пространство его личностной идентичности заполнено доминирующим образом другого/других.

Следовательно, для адекватного развития личности в ее идентичности необходимо включение всех четырех основных сторон в их взаимной реляции. Структурно и функционально идентичность личности включает в себя все четыре взаимосвязанных стороны. Выделяемые, различаемые в сознании образы-идентичности ("я", "не-я", "мы", "они") структурируют пространство идентичности. Специфика их связей обуславливает функционирование системы идентичности и, как следствие – психологические особенности поведения личности, межличностного взаимодействия индивидуума, его состояния и самоощущения.

Выводы. Специфика социально-психологической природы человека обуславливает две базовые стороны – "я" и "не-я" как необходимые условия идентификации его личности. Сторона "не-я" является неоднозначной и может быть представлена двумя формами – единственного ("другой") и множественного числа ("другие"). Психологическое условие логического сопоставления в процессе познавательной социальной активности индивидуума определяет различие двух дискретных видов формы множества – "мы" и "они". Таким образом, в структурировании идентичности личности различаются четыре общие взаимозависимые и взаимообусловленные стороны – "я", "не-я", "мы", "они", наличие связи которых является необходимым условием формирования идентичности психологически здоровой личности и ее адекватного функционирования.

В случае невалидности одной из сторон, в ситуации нарушения связей ее с другими сторонами происходит искажение идентичности, разбалансирование всей системы личности, что ведет к определенным психологическим проблемам личностного развития и межличностного взаимодействия.

Актуализируются и интенсифицируются такие механизмы психологической защиты, как рационализация (эндоцентрический механизм) и проекция (экзоцентрический), и проявляется феномен психической дефляции в случае разрыва или нарушений реляций со стороной "они"; эндоцентрические защитные механизмы изоляции и интроекции и феномен социально-психологической недостаточности или дефицита, когда происходит нарушение связи со стороной "мы"; эндоцентрические психологические защиты рационализации и отрицания, экзоцентрические – проекции и реакции и феномен психической инф-

ляции при условии нарушения связей со стороной "не-я"; экзоцентрический специфический защитный механизм идентификации при возможном усилении его эндоцентрическими механизмами рационализации, вытеснения и отрицания и феномен психологической солибилизации, когда нарушены связи со стороной "я".

В случае валидности всех четырех необходимых сторон происходит оптимальная для психологического здоровья индивидуума структуризация идентичности и, в целом, становление личностной идентичности, адекватная социальная интеракция, и создаются благоприятные условия для положительного развития личности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Барашева Д.Е. Профессиональное изучение иностранных языков как психолингвистический фактор актуализации культурной идентификации / Д.Е. Барашева // Новое в славянской филологии : сборник статей [Текст] ; [отв. ред. М.В. Пименова]. – Севастополь : Рибэст, 2009. – С. 453-460/

2. Барашева Д.Е. Психологические противоречия профессионального становления студента-педагога как трудности личностной идентификации / Д.Е. Барашева // Горизонты образования : научно-методический журнал. – 2011. – №1 (31). – С. 28-34.

3. Барашева Д.Е. Личность как функция аргумента "я" / Д.Е. Барашева // Язык и личность в поликультурном пространстве : сб. статей [Текст] / под ред. Л.В. Адониной, О.С. Фисенко. – М. ; Севастополь : Рибэст, 2012. – С. 39-55

4. Барашева Д.Е. Психологические особенности гендерной идентификации личности в меняющихся социальных условиях / Д.Е. Барашева // Вісник післядипломної освіти : зб. наук. праць / Ун-т менедж. освіти НАПН України ; [редкол. : О. Л. Онуфрієва та ін.]. – Вип. 6(19) / [голов. ред. В. В. Олійник]. – К. : АТОПОЛ, 2012. – С. 197-205

5. Барашева Д.Є. Гендерна й етнічна ідентифікація в умовах гетерогенного соціуму / Д.Є. Барашева // Практична психологія та соціальна робота. – 2013. – №7. – С. 1-6.

6. Барашева Д.Е. Психологические особенности идентичности личности в условиях этнической гетерогенности. – Часть 1 : Теоретическая интерпретация специфики связи личности и социума в становлении идентичности личности // Горизонты образования : Психология. Педагогика. – 2013. – №1 (37). – С. 13-21.

7. Барашева Д.Е. Психологические особенности идентичности личности в условиях этнической гетерогенности. – Часть 2 : Специфика

отношений индивидуального образа "я" личности и абстрактного образа представителя своей этнокультуры (на примере исследования идентичности личности татар и славян севастопольского региона) // Горизонты образования : Психология. Педагогика. – 2013. – №2 (38). -- С. 78-86.

8. Барашева Д.Е. Психологические особенности гендерной идентификации личности сотрудника ОВД / Д.Е. Барашева, Е.А. Мартыненко // Вісник післядипломної освіти : зб. наук. праць / Ун-т менедж. освіти НАПН України ; [редкол. : О.Л. Онуфрієва та ін.]. – К., 2005. – Вип. 3 (16) / [голов. ред. В.В. Олійник]. – 2011. – С. 181-188

9. Барашева Д.Е. Проблема гендерной идентификации личности сотрудника ОВД / Д.Е. Барашева, Е.А. Мартыненко // Гендерна мапа Центрально-Східної Європи : м-ли міжнародної науково-практичної конференції (м. Суми, 21-22 квітня 2011 р.) / [редкол. : Н.Д. Світайло, В.П. Павленко]. – Суми : Сумський державний університет, 2011. – С. 98-102.

УДК 159.923.33:377 – 051

ТЕОРЕТИЧНА МОДЕЛЬ АДАПТАЦІЇ ПРАКТИЧНИХ ПСИХОЛОГІВ ДО ДІЯЛЬНОСТІ У ПРОФЕСІЙНО-ТЕХНІЧНИХ НАВЧАЛЬНИХ ЗАКЛАДАХ

Бебеза Л.Є.

У статті представлено теоретичну модель соціально-психологічної адаптації практичних психологів до діяльності у професійно-технічних навчальних закладах, розглянуто п'ять стратегій соціально-психологічної адаптації практичних психологів професійно-технічних навчальних закладів.

Ключові слова: модель, моделювання соціально-психологічної адаптації практичних психологів професійно-технічних навчальних закладів, стратегії адаптації практичних психологів.

В статье представлена теоретическая модель социальной-психологической адаптации практических психологов к деятельности в профессионально-технических учебных учреждениях, рассмотрены пять стратегий социальной-психологической адаптации практических психологов профессионально-технических учебных учреждений.

Ключевые слова: модель, моделирование социально-психологической адаптации практических психологов профессионально-технических учебных учреждений, стратегии адаптации практических психологов.

A theoretical model of socio-psychological adaptation of psychologists to work at vocational schools has been represented, five strategies of socio-psychological adaptation of practicing psychologists of vocational schools have been considered.

Keywords: model, modeling socio-psychological adaptation of psychologists at vocational schools, strategies of practicing psychologists' adaptation.